

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МАТЕРИАЛЫ
V Всероссийской научной конференции
с международным участием
г. Иркутск, 23 апреля 2021 г.

ISBN 978-5-9624-1911-4

УДК 316(47)(063)
ББК С55.4/5л0
С69

Редакционная коллегия

*О. Б. Истомина, д-р филос. наук, проф. (отв. ред.); Е. О. Томских (отв. секретарь);
Т. Н. Лохтина, канд. экон. наук, доц.; В. И. Метелица, канд. экон. наук, доц.*

Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Иркутск, 23 апр. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. О. Б. Истомина]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск. – Загл. с этикетки диска.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1911-4.2021.1-484>

ISBN 978-5-9624-1911-4

В материалах обсуждаются социальные проблемы современного российского общества, их сущность, объективные и субъективные факторы проявления, способы минимизации.

Social Processes in Modern Russian Society: Problems and Prospects. Materials of the V All-Russian Scientific Conference with the International Participation / sc. ed. O. B. Istomina. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2021.

In materials of a conference social problems of modern Russian society, their essence, objective and subjective factors of manifestation, ways of minimization are discussed.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7(3952) 52-19-00

Издательство ИГУ

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124, тел. +7(3952) 52-18-53, e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 15.04.2021. Тираж 30 экз. Объем 6,84 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

УДК 364.1(98)

А. А. Сергунин

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПО ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ КОНЦЕПЦИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Работа выполнена в рамках совместного проекта
Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда
«Дом наук о человеке» (Франция) № 20-514-22001.*

Аннотация. В данном исследовании ставится задача рассмотреть позиции различных парадигм российской политической науки по вопросу о применимости концепции «безопасность человека» к Арктической зоне Российской Федерации. В частности изучаются подходы неореалистической, неолиберальной, глобалистской и постпозитивистской парадигм теории политической науки к трактовке концепции «безопасность человека» вообще и в российской Арктике в частности. Анализируются позиции указанных парадигм по таким аспектам безопасности человека, как экономическая безопасность, продовольственная безопасность, охрана здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность, безопасность сообщества и политическая безопасность. Делается вывод о том, что, несмотря на преимущественно академический характер дискуссий вокруг концепции «безопасность человека» и отсутствие её признания на официальном уровне, отдельные её элементы присутствуют в документах стратегического планирования на уровне федеральных, региональных и муниципальных властей.

Ключевые слова: концепция «безопасность человека», Арктическая зона Российской Федерации, политическая теория, неореализм, неолиберализм, глобализм, постпозитивизм.

Определение концепции «безопасность человека» (human security) впервые было дано на официальном уровне в докладе Программы развития ООН «Новые измерения безопасности человека» в 1994 г. [20]. В частности, в этом документе выделялись 7 разновидностей/компонентов безопасности человека: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, охрана здоровья, экологическая безопасность, личная / индивидуальная безопасность, безопасность сообщества (к которому принадлежит человек) и политическая безопасность. С тех пор вокруг этой концепции не прекращаются споры в среде учёных и политиков – как по поводу её содержания, так и применимости в различных странах, а также экономических, экологических, социокультурных и прочих условиях.

В данном исследовании ставится задача рассмотреть позиции различных парадигм российской политической науки по вопросу о применимости концепции «безопасность человека» к Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ).

Актуальность данной темы исследования обусловлена, с одной стороны, тем, что на данном этапе комплексное развитие АЗРФ является приоритетным направлением российской общенациональной стратегии. Это было особо отмечено в таком базовом документе, как «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», принятом в октябре 2020 г. [10], в котором была поставлена задача существенного повышения уровня и качества жизни населения АЗРФ.

Однако, с другой стороны, если оценивать реальное положение дел в АЗРФ, в данном регионе до сих пор не сформирована комплексная система безопасности человека, которая должна лежать в основе устойчивого развития российской Арктики. Само понятие «безопасность человека» отсутствует как в федеральных, так и региональных и муниципальных документах стратегического характера (в них встречаются лишь отдельные элементы этой концепции). Даже родственная (и более широкая по объёму) концепция устойчивого развития появилась в российских документах стратегического планирования довольно поздно – лишь с принятием предшествующей арктической стратегии РФ в 2013 г. [9]. До этого АЗРФ в духе советских традиций рассматривалась лишь как «стратегическая ресурсная база» страны [4]. Из трёх компонентов устойчивого развития – экономического, экологического и социогуманитарного – приоритет по-прежнему отдаётся первому. Охрана окружающей среды, обеспечение комфортной среды проживания местных сообществ до сих пор остаются в тени задач экономического развития АЗРФ, а если и обозначаются, то имеют преимущественно декларативный характер [3].

Между тем в постсоветское время возникло множество новых вызовов и угроз безопасности человека на российском Крайнем Севере. В результате распада СССР и начала системного кризиса российской экономики АЗРФ оказалась практически заброшенной, что привело к усугублению многочисленных негативных тенденций в регионе, появлению новых вызовов и угроз социально-экономического, демографического и экологического характера. Наряду с суровыми климатическими условиями жизни, слабая социальная политика 1990-х годов и начала 2000-х, устаревшая инфраструктура и отсутствие необходимых инвестиций только усилили негативные тенденции.

Прежде всего, произошел интенсивный отток населения в более благополучные регионы России, результатом чего стал дефицит рабочей силы в регионе и сосредоточенность населения в крупных городах, преимущественно на западе АЗРФ (Мурманск, Архангельск и др.) и в регионах нефтегазовой добычи. Как следствие, в 1990-е гг. закрылись многие промышленные предприятия, деградировало коммунальное хозяйство ряда северных городов, заброшенными оказались многие порты и другие объекты гражданской и военной инфраструктуры АЗРФ.

Ещё одна острая проблема АЗРФ связана с коренными малочисленными народами Севера (КМНС). В российской Арктике проживают более 30 КМНС, общая численность которых не превышает 82,5 тыс. человек. Эти народы живут по вековым укладам предков, часть из них ведёт кочевой образ жизни. При этом уровень жизни в районах проживания народов Крайнего Севера ниже среднего в сравнении с другими субъектами РФ. Уровень безработицы среди КМНС в 1,5–2 раза выше, чем в среднем по стране. По-прежнему высока детская смертность, значительно ниже продолжительность жизни [8; 15; 19, с. 34]. Сложившаяся с начала 1930-х гг. концепция освоения и природопользования Севера принесла немалый ущерб традиционным отраслям хозяйства коренного населения российской Арктики, в результате появились области сильного загрязнения и деградации естественной среды их обитания.

Неблагоприятная экологическая обстановка сложилась во многих районах АЗРФ. Экологи насчитали 27 так называемых импактных зон, где состояние окружающей среды особенно критично. В их числе промышленные районы, сложившиеся в Мурманской и Архангельской областях, в Ямало-Ненецком автономном округе, городской агломерации Норильска и пр. Всего загрязнению подверглось около 15 % всей территории АЗРФ [11].

Весь этот комплекс проблем необходимо решать системно, принимая во внимание тот факт, что АЗРФ является неотъемлемой составной частью системы национальной безопасности РФ. Представляется, что такой комплексный подход можно разработать именно в рамках концепции безопасности человека.

Как же к этой концепции относятся ведущие парадигмы российской политической науки?

Сторонники неореалистической парадигмы считают безопасность человека второстепенной по сравнению с проблемой обеспечения национальной безопасности, от решения которой, по их мнению, зависит как судьба страны в целом, так и отдельных её граждан. Они полагают, что фокусирование политики в области безопасности на

проблемах индивида может увести общество в сторону от решения фундаментальных задач и подорвать всю систему обеспечения национальной безопасности (в том числе и в АЗРФ).

Неореалисты сводят этот концепт к понятию «личная» или «индивидуальная безопасность», которое является лишь одной из «ипостасей» безопасности человека в определении ООН 1994 г. При этом личная безопасность считается ими низшим уровнем национальной безопасности, выше которого стоят уровни общественной и государственной безопасности. Соответственно, среди угроз безопасности индивида неореалисты обращают внимание в основном на такие проблемы, как уровень уличной преступности, защищённость индивида перед лицом природных и техногенных катастроф, его физическое здоровье и пр. [1; 2; 12].

Последователи неолиберальной парадигмы политической науки в целом разделяют теоретический подход ООН к трактовке категории «безопасность человека» и считают, что она вполне применима к ситуации в АЗРФ. В то же время они предпочитают делать акцент на правовых аспектах проблемы, считая, что концепт «безопасность человека» проистекает, прежде всего, из либеральной традиции защиты прав человека. Поэтому при рассмотрении данной тематики неолибералы фокусируются, в основном, на защите прав различного рода меньшинств (коренных народов, этнических и сексуальных меньшинств) или гендерной проблематике в АЗРФ, иногда игнорируя другие аспекты концепции «безопасность человека» [15].

Глобалистская парадигма отвергает узкие трактовки неореалистов и неолибералов понятия «безопасность человека» как личную безопасность или как правовую защищённость индивида. Её сторонники, по сути дела, считают понятия безопасности человека и устойчивого развития синонимичными. По мнению глобалистов, если развитие общества на национальном или глобальном уровнях будет иметь несбалансированный характер, это неизбежно скажется негативным образом на безопасности человека, ибо будет постоянно порождать конфликты социально-экономического, социокультурного, межэтнического, межрелигиозного и экологического характера [17; 18]. Именно глобалисты являются наиболее последовательными сторонниками комплексного подхода ООН к обеспечению всех семи компонентов безопасности человека и реализации Целей устойчивого развития ООН (2015 г.) в Арктике.

Последователи постпозитивистской парадигмы не смогли предложить единой теоретической интерпретации концепта «безопасность человека» и адекватно адаптировать его к условиям Арктики. Скажем, сторонники постмодернистского направления постпозити-

визма ограничились лишь тотальной критикой концепций безопасности других парадигм, но не предложили своего собственного видения проблемы [6; 16].

Социальные конструктивисты предпочитают рассматривать проблему безопасности через призму категории «идентичность». По их мнению, если возникает угроза идентичности индивидов или социальных групп, то это воспринимается ими как угроза их безопасности. Чтобы не допустить угроз различным идентичностям и не провоцировать конфликты между ними, конструктивисты предлагают наладить диалог между всеми заинтересованными субъектами арктической политики и обеспечить благоприятные условия для сохранения этнического и социокультурного разнообразия АЗРФ [7].

Сторонники «постколониальной школы» в рамках постпозитивизма считают, что, поскольку многие регионы планеты, а также так называемые «внутренние колонии» ряда стран, долгое время эксплуатировались различными «империями», нужно радикально менять политику бывших империй по отношению к своим, прежде зависимым территориям. Так, «постколониалисты» считают, что российская Арктика долгие годы эксплуатировалась царской Россией, Советским Союзом и отчасти постсоветской Россией хищническим способом. Поскольку отношение к Арктике было как к колониальному владению, из которого нужно было извлечь материальные блага и максимальную прибыль, то о её населении и экологии (а, стало быть, и о безопасности человека) никто всерьёз не думал [13; 14]. Последователи «постколониальной школы» отмечают положительный сдвиг в отношении нынешних российских властей разного уровня к АЗРФ, но подчёркивают, что для избавления от «колониального наследия» и действительной заботы о людях и природе Крайнего Севера предстоит сделать ещё очень много.

«Постколониалисты» считают, что в Арктике нужно создать такой международно-правовой и хозяйственный режим, который бы исключал сверхэксплуатацию природных ресурсов Арктики, милитаризацию региона и сохранял бы традиционные образ жизни и культуру КМНС. Они понимают, что такой режим, как в Антарктике, где запрещена вся военная и хозяйственная деятельность, вряд ли возможен в Арктике, но что-то близкое по смыслу, по их мнению, можно создать. В этих целях они предлагают шире использовать такие инструменты, как создание природных заповедников, морских охраняемых районов, запрет на рыболовство и добычу полезных ископаемых в центральной части Северного ледовитого океана, ограничение траффика по Северному морскому пути, внедрение в прак-

тику деятельности компаний, действующих в АЗРФ, принципа корпоративной социальной и экологической ответственности, широкое привлечение институтов гражданского общества к демилитаризации региона и пр. [5].

Следует отметить, однако, что, несмотря на кажущуюся привлекательность предложений конструктивистов и «постколониалистов», их идеи не очень согласуются реальностью. Значение Арктики как источника важнейших видов сырья и места пролегания перспективных морских коммуникаций будет только возрастать в обозримом будущем. Никто из арктических стран и неарктических государств, заинтересованных в этом регионе, не собирается отказываться от своих планов по освоению Крайнего Севера. В то же время все основные региональные «игроки» осознают необходимость обеспечения устойчивого развития Арктики и собираются решать имеющиеся конфликтные вопросы мирным путём, через переговоры и на основе принципов международного права.

В целом же следует отметить, что межпарадигмальные дискуссии в современной российской политической науке по вопросу о безопасности человека в АЗРФ ещё не достигли стадии выработки какого-то приемлемого консенсуса между ними. Приходится также констатировать, что академические дискуссии о безопасности человека пока не привели к признанию этой концепции на уровне государственных доктрин и стратегий в Арктике, хотя её отдельные элементы де-факто встречаются в этих документах. Однако ряд событий последнего времени, включая коронавирусную пандемию, демонстрирует необходимость пересмотреть приоритеты российской арктической стратегии в пользу её гуманитарной «составляющей».

Литература

1. Балугев Д. Г. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 1. С. 95–105.
2. Коньшев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 40 (277). С. 43–56.
3. Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Государственный приоритет – устойчивое развитие российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, Вып. 3. С. 416–430.
4. Медведев Д. А. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. 18 сент. // Российская газета. 2009. 30 марта. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovydok.html> (дата обращения: 12.01.2019).
5. Медведев С. Заповедная территория: Арктику нужно спасти от корпораций и государств // Forbes. 2013. 3 окт. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya->

- column/tsennosti/245761-zapovednaya-territoriya-arktiku-nuzhno-spasti-ot-korporatsii-i-gosud (дата обращения: 12.01.2019).
6. Макарычев А. С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14, № 4. С. 18–32.
  7. Морозов В. Теория секьюритизации. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
  8. Представитель Ассамблеи КМНС о народах Севера: продолжительность жизни – 47 лет, им не светит работа и полноценная медпомощь // Новый день. 2019. 25 нояб. URL: <https://newdaynews.ru/ugra/interview/677413.html> (дата обращения: 12.01.2019).
  9. Путин В. В. Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://правительство.рф/docs/22846/> (дата обращения: 12.01.2019).
  10. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26 окт. 2020 г. № 645. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
  11. Соколов Ю. И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба // Арктика: экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 18–27.
  12. Цыганков П. А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2010. № 4. С. 78–83.
  13. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
  14. Huggan G., Jensen L. Postcolonial Perspectives in the European High North: Unscrambling the Arctic. London : Palgrave Macmillan, 2016.
  15. Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. Local and Indigenous Communities. Ed. by Kamrul Hossain, José Miguel Roncero Martín, and Anna Petrétei. Leiden : Brill, 2018.
  16. Medvedev S. Riding into the Sunset: Russia's Long Journey into Europe // Huru J., Jalonen O.-P., Sheehan M. (eds.). New Dimensions of Security. Tampere: Tampere Peace Research Institute, 1998 (Research Report № 83).
  17. Migration, globalization and human security. Ed. by D. Graham, N. Poku. London : Routledge, 2000.
  18. New Dimensions of Security. Ed. by Huru J., Jalonen O.-P., Sheehan M. Tampere : Tampere Peace Research Institute, 1998 (Research Report № 83).
  19. Rohr J. IWGIA Report 18: Indigenous Peoples in the Russian Federation. Copenhagen: International Work Group for Indigenous Affairs, 2014. URL: http://www.iwgia.org/iwgia_files_publications_files/0695_HumanRights_report_18_Russia.pdf
  20. UNDP Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. New York : Oxford University Press, 1994.

INTER-PARADIGMATIC DEBATES IN POLITICAL SCIENCE ON THE APPLICABILITY OF THE “HUMAN SECURITY” CONCEPT FOR THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This study aims to examine the positions of various Russian political science paradigms on the applicability of the “human security” concept to the Arctic Zone of the Russian Federation. In particular, the approaches of the neorealist, neoliberal, globalist and postpositivist paradigms to the interpretation of the “human security” concept in general and in the Russian Arctic in particular are studied. The positions of these paradigms

on such aspects of human security as economic security, food security, health care system, environmental security, personal security, community security, and political security are analyzed. It is concluded that, despite the predominantly academic nature of the discussions around the “human security” concept and the lack of its recognition at the official level, some of its elements are present in the strategic planning documents at the level of federal, regional and municipal authorities.

Keywords: “human security” concept, Arctic Zone of the Russian Federation, political theory, neorealism, neoliberalism, globalism, postpositivism.

Сергунин Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: sergunin60@mail.ru.

Sergunin Alexander Anatolievich – Doctor of Political Science, Professor of the Department of International Relations Theory and History of St. Petersburg State University, e-mail: sergunin60@mail.ru.